

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ МЕТОДЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Л.А. Манерко

Аннотация. Статья посвящена памяти замечательного отечественного ученого-языковеда и терминоведа — Владимира Моисеевича Лейчика, который способствовал развитию терминоведения в нашей стране. В статье выделены истоки понимания терминоведения как научной дисциплины, определены пять основных этапов развития науки о термине и представлены ключевые термины, которые в каждый последующий период наполняются новым содержанием. Показано интегративное влияние когнитивных наук (и в частности, когнитивной лингвистики) на развитие терминоведения, которые привели к появлению некоторых из основных методов когнитивно-дискурсивного терминоведения, опирающихся на понятия категоризации и концептуализации. В статье описываются особенности дефиниционного анализа, представлено рассмотрение концептуальной метафоры и ее связь с образными схемами, показана специфика описания концептуального интегрирования и построения когнитивной карты научной области знания.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное терминоведение, В.М. Лейчик, метод, когнитивные методы и приемы терминоведения, концептуальный анализ, когнитивное моделирование.

Для цитирования: Манерко Л.А. Основопологающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 390–405. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-390-405

390

BASIC METHODS OF COGNITIVE-DISCURSIVE TERMINOLOGY

L.A. Manerko

Abstract. The article is written with the memory of Vladimir Moiseevich Leitchik, a remarkable Russian scholar of language and terminologist, who contributed to the development of terminology in our country. The article highlights the origins of the terminological science as a discipline, identifies five main stages in the development of the science of terminology and presents key terms, which are extended with new content in each subsequent period. The integrative influence of cognitive sciences (and cognitive linguistics in particular) on the development of term science is demonstrated, which led to the emergence of some of the main methods of cognitive-discursive terminology based on the

© Манерко Л.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

concepts of categorization and conceptualization. The article describes the peculiarities of definitional analysis, presents the consideration of conceptual metaphor and its connection with image schemas, shows the specificity of the description of conceptual integration and the construction of a cognitive map of a scientific field of knowledge.

Keywords: *cognitive-discursive terminology science, V.M. Leitchik, method, cognitive methods and procedures of terminology, conceptual analysis, cognitive modeling.*

Cite as: Manerko L.A. Basic Methods of Cognitive-Discursive Terminology. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 2, part 2, pp. 390–405. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-390-405

Владимир Моисеевич Лейчик известен как ведущий терминолог, связавший свою жизнь с развитием «терминоведения». Он оставил след во многих лингвистических областях, начиная с лексикологии и стилистики и заканчивая когнитивным терминоведением. Прежде чем в статье будут рассмотрены методы когнитивного терминоведения, хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые раскрывались терминоведами в их работах и в том числе в многочисленных трудах Владимира Моисеевича Лейчика.

Введение. Истоки понимания терминоведения как научной дисциплины

Одним из известных произведений по терминоведческой науке обычно называется знаменитая книга В.М. Лейчика «Терминоведение: предмет, методы, структура», в которой автор пишет об объекте и предмете этой науки: «Поскольку терминоведение занимается анализом отдельных терминов, структурой этих терминов, их упорядочением, стандартизацией и т. п., постольку термины являются объектами терминоведения. В той мере, в какой терминоведение изучает сущность термина, закономерности создания и функционирования термина, этот последний является одновременно и предметом терминоведения» [1, с. 18]. Вместе с тем такого увлеченного ученого, каковым был Владимир Моисеевич, не могли не интересовать многие аспекты описания термина, то, как и когда эта основная единица становится достойным объектом исследования.

Остановившись на этапах создания данной области, ученый пишет о пяти этапах развития терминоведения. Среди них *подготовительный этап* (с начала XVIII века до конца 20-х годов XX века), который имел отношение к созданию самых первых терминологических словарей в России и Европе, в которые вливалось довольно много исконных единиц и одновременно заимствований из разных языков. Вслед за этим этапом сформировался *первый этап* (1930–1960), непосредственно связанный с формированием основ терминологической теории и практики. Данные основы были заложены в трудах австрийского ученого О. Вюстера и созданной им школы в Европе и одновременно в трудах российских ученых Д.С. Лотте и Э.К. Дрезена, а также лингвистов Г.О. Винокура, А.А. Реформатского и В.В. Виноградова [2, с. 121]. Для отечественной науки важным было высказывание Г.О. Винокура: «В роли термина может выступать любое слово, как бы оно ни было тривиально. Термины — это не особые слова, а только слова в особой функции» [3, с. 5]. На эту мысль многие ученые обратили внимание, т. к. мнение Г.О. Винокура вызвало дискуссии, ибо основной функцией таких слов указывалась именно номинативная функция.

Выделение «особых слов», которыми выступали термины, интересует, прежде всего, Д.С. Лотте в связи с его работой по упорядочению и стандартизации русской научно-технической терминологии. В своих ранних работах он пишет о «необходимости построения правильно построенной терминологии», где «особая роль и значение» принадлежит терминам научно-технического характера [4, с. 883]. Его интересуют требования к термину как части состава языка, среди которых он указывает на однозначность в рамках определенной терминосистемы при отсутствии синонимов и омонимов, их краткость (выраженность отдельным словом) в отличие от трехсоставных, которые обладают «весьма дифференцированными функциями», ясность, простота и понятность. Разграничение понятий и терминов связано с классификацией в рамках определенной терминологии. Эта мысль звучит в работах Д.С. Лотте и Э.К. Дрезена. В учебнике А.А. Реформатского «Введение в языковедение» отмечено, что «термины — это слова специальные, ограниченные своим особым назначением, слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 110].

По мнению В.А. Татарина, в тот период «квалификация термина как гносеологической категории в официальных установках отсутствовала (за редкими исключениями) и была подменена стремлением к созданию идеальных знаково-понятийных систем. Отказ от термина как инструмента познания был своего рода пассивной реакцией на неопозитивизм в научном исследовании, в котором термину, языку науки отводилось ведущее место» [6, с. 7]. Кроме того, вопрос стоял не только о разнице между словом общенационального языка и термином, он рассматривался в связи с использованием общелитературного языка и функциональной разновидностью, охватывающей области специального (профессионального) знания, что было связано «с распространением научно-технической революции» в 50-х годах XX века [7, с. 12].

В.М. Лейчик прекрасно понимает, что данный этап развития для терминоведения был чрезвычайно важным, т. к. «возникла потребность в создании комплексной (и одновременно стыковой!) науки или научной дисциплины, собственным объектом которой был бы термин. Условия для решения этого вопроса созрели в конце 60-х годов XX века» [1, с. 12–13]. *Второй этап* науки о термине (1970–1980 годы) отмечен становлением, уточнением и развитием взглядов на специальную лексику и пути ее совершенствования, а также «выделением терминоведения как самостоятельной научно-прикладной дисциплины, когда в трудах В.П. Петушкова и Б.Н. Головина эта дисциплина получила свое название и отделилась от лингвистики и других наук, а взгляды терминоведов значительно сблизились» [2, с. 121]. В этот период уже довольно четко обозначено место терминоведения как промежуточной области между лингвистикой, логикой, онтологией, информатикой и предметными науками [1, с. 18], где в каждой из них рассматривается термин и передаваемое им понятие. В.М. Лейчик отмечает, что в этот период термины «связаны не с понятиями вообще, а с понятиями определенной теории или концепции, отражающими уровень знания в определенный период» в специальных сферах деятельности [там же, с. 12]. При этом ученый указывает, что специальные понятия, «относящиеся к предмету их изучения, обозначаются научными, техническими, экономическими, общественно-политическими терминами» через «системы понятий» и системы терминов [там же]. Данный аспект получит свое развитие в следующий, *третий этап* (с конца 1980 до начала 1990-х годов), во время которого будут подробнее рассмотрены совокупности языковых единиц, называемых терминосистемой. Именно в этот период

наблюдается «дальнейшее развитие терминоведения как самостоятельной дисциплины», создание многочисленных «учебных пособий, хрестоматий и систематических словарей терминов» в трудах целого ряда отечественных терминоведов [2, с. 121]. Термин изучается более внимательно в связи с понятием, благодаря чему обеспечивается относительная «целостность понятийного аппарата науки в целом» [8, с. 83], где каждый элемент этой системы должен иметь научное определение. Так как термин выражен языковой единицей, то данная единица изучается на основе средств номинации, через призму номинативной и сигнификативной функций, особое значение приобретает реализация конкретной функции в отрезке речи. Изучение единицы в контексте опирается на функцию сообщения, которая преобладает в научном стиле, в то время как функция воздействия обычно связана с художественной литературой.

В своей книге «Терминоведение» В.М. Лейчик рассматривает мнения терминоведов по поводу определений термина, отмечающих его существенные признаки. Термины являются элементами научного аппарата разных теорий и концепций, они описывают многочисленные области знания и деятельности человека, «используются как средство закрепления результатов познания в специальных областях знания и деятельности», выполняя функции фиксации и открытия нового знания [1, с. 21]. Эти специальные области в конце 1980-х годов начинают рассматриваться через призму «языков для специальных целей» (languages for special purposes). Это понятие впервые появляется на конференции в Вене в 1977 году [9, с. 215] как противопоставление языку в целом (languages for general purposes). В данном случае учитывается более широкий, экстралингвистический контекст устного и письменного общения людей, который оказался связанным с целенаправленным вниманием к использованию языка конкретным человеком в зависимости от конкретных целей общения. В связи с этим особую значимость приобретают социолингвистические тенденции в изучении языка, когда учитывается общение людей в социальном и функциональном контексте. В трудах В.М. Лейчика обращается внимание на логико-лингвистические характеристики изучения термина и на то, что термин выполняет коммуникативную функцию как средство передачи содержательной специальной информации реципиенту [1, с. 67]. Вследствие этого термин определяется как «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [там же, с. 31–32].

Четвертый этап науки о термине (в 1990-е) связан «с исчерпанием возможностей и критикой вюстерианского подхода в трудах целого ряда ученых в Европе», а также «спадом научной деятельности в описании терминов и терминосистем в России» [2, с. 121]. Вместе с тем мы можем видеть прямо противоположную мысль у В.Ф. Новодрановой, в работах которой фиксируется несколько другое мнение. Она констатирует, что уже с начала 90-х годов XX века наблюдается терминологический взрыв, который воплотился в появлении целого ряда важных трудов. Среди них очерки В.А. Татаринова «Этапы становления отечественного терминоведения» и «Формирование направлений и методов в отечественном терминоведении», опубликованные в его монографии «История терминоведения в 3 томах (1994, 1995 и 1999 гг.)», работа терминологических школ в Горьком (Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин), Воронеже (З.С. Иванов, Е.С. Аннюшкин), Омске (Л.Б. Ткачева), Челябинске (Л.А. Шкатова), деятельность по стандартизации терминов, осуществляемая ВНИИКИ (В.Н. Прохоров, Л.А. Морозова)

и терминологической группой на базе Института языкознания РАН во главе с А.В. Суперанской, подготовившей фундаментальные монографии «Общая терминология: вопросы теории» (1989) и «Общая терминология: терминологическая деятельность» (1993), создание РоссТерма по инициативе В.А. Татарина, а также большое количество новых трудов и диссертационных исследований, появившихся в этот период, и многое другое [10, с. 4–9]. Труды ученых этого периода подготовили почву для формирования нового взгляда на терминологию, языки для специальных целей и специальное (профессиональное) человеческое общение.

Интегративные процессы в терминоведческой науке в конце 1990-х годов

Значительные изменения произошли в лингвистической науке в конце 90-х годов XX века, т. к. именно в этот период происходит активное сближение терминоведения с когнитивными науками, философией, психологией, искусственным интеллектом, когда на первый план выдвигаются вопросы, связанные со сферой познания объективной действительности и именно человеческого взгляда на мир. В связи с этим происходит пересмотр многих понятий, существовавших на тот момент в лингвистической науке, т. к. «когнитивный подход к явлениям языка уже знаменует собой в какой-то мере отказ» от формальных подходов в изучении языка, представленных и в генеративной парадигме лингвистического знания. И этот подход служит главной «ориентирующей силой» в формировании когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания [11, с. 206], которая направлена на изучение когнитивной и коммуникативной функций языка. Поворот к данному направлению исследований продиктован формированием интегрирующих тенденций между лингвистической и терминоведческой науками при усилении внимания к когнитивному и функциональному направлениям исследований, пристальному вниманию к речемыслительной деятельности личности, участвующей в профессиональной коммуникации. Научная картина мира складывается на основе функционирования языка, в нее входят элементы обыденных, энциклопедических, общенаучных и специальных типов знания, знания о ментальных формах его отражения в сознании и о языковых формах его репрезентации, знания об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи знаний. В когнитивном терминоведении учитываются возможности человеческого понимания внеязыковой действительности и возможности конструирования языковых знаний средствами когнитивной науки [12; 13].

Именно с конца 1990-х годов XX века, по мнению В.М. Лейчика, наступает *пятый этап* развития терминоведения, когда в России терминоведение получило «мощные импульсы со стороны когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и когда в работах В.Ф. Новодрановой, В.М. Лейчика появилось собственно название «Когнитивное терминоведение» [2, с. 121]. В.М. Лейчик указал, что термины и их совокупности «могут рассматриваться в тесной связи с концептами как результатами речемыслительной деятельности, воплощаемыми в строго определенных знаках» [там же, с. 123], но при этом понятие, традиционно описываемое философской и логической науками, отличается от концепта: последний «сочетает объективное знание и субъективный элемент этого знания» [там же, с. 124; 14]. Термин вследствие указанного определяется как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере

и важнейший элемент профессиональной коммуникации» [15, с. 223]. В работах, посвященных описанию «языка для специальных целей», этот термин в рамках когнитивно-дискурсивного терминоведения получает новое освещение, причем В.Ф. Новодранова указывает, что «чисто лингвистическая интерпретация этого понятия невозможна» [16, с. 139]. LSP представляет собой систему лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период особый уровень развития для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» [12, с. 227; 15; 17]. Релевантность отдельно взятого LSP обусловлена важностью соответствующей специальной области знания со своей спецификой и уровнем развития самой области знания, а также важностью для соответствующего социума. Основные функции LSP состоят в том, чтобы представлять языковую и концептуальную картину данной области знания, осуществлять профессиональную нормированность и адекватность языковых средств, быть хранилищем структур человеческого знания и опыта, а также служить обеспечению описания специальной области знания и общения в ней, а также ее развитию.

Когнитивный подход к описанию терминологической системы требует, чтобы терминологические единицы были рассмотрены с точки зрения участия определенных когнитивных структур, имеющих отношение к конкретным структурам специального знания. Основным понятием, на которое опираются специалисты в области когнитивной лингвистики, является концептуализация. Концептуализация — «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в сознании человека» [18, с. 93].

Далее в статье будут раскрыты некоторые методы, методики и приемы, применяемые в когнитивном терминоведении. Они могут использоваться в научных целях и для решения прикладных задач терминоведения. Методика — это прием работы с анализируемым материалом, в то время модель представляет собой схематическое изображение систематически расклассифицированного и описанного материала [19, с. 298].

Методы, используемые в когнитивном терминоведении

Одним из первых методов обычно называют **дефиниционный анализ**. Для В.М. Лейчика, дефиниционный анализ основан на логико-лингвистическом анализе определенных значений терминов [2, с. 127]. Для определения объективных связей между терминами используется их иерархия, родовидовые и ассоциативные отношения [20, с. 10]. В рамках когнитивной лингвистики этот метод был усовершенствован для нужд понимания значения термина в определенной сфере употребления языковой единицы и дефиниция становится «основанием для определения статуса слова как термина» [13, с. 16]. Если в дефиниции слова в толковом (энциклопедическом) словаре применяются знания, понятные обычному человеку, то это слово является единицей общепотребительного языка: *particle* — a minute portion, piece, fragment, or amount; a tiny or very small bit: *a particle of dust; not a particle of supporting evidence*. Если же в дефиниции слова используются специальные знания, это слово, скорее всего, уже стало термином, например, в области физики: *particle* — one of the extremely small constituents of matter, as an atom or nucleus; an elementary particle, quark, or gluon (<https://www.dictionary.com/browse/>

particle). Дефиниционный анализ является элементом понимания того, как происходит процесс концептуализации термина в той или иной области знания.

Но в психологии познания доказано, что хорошо структурированная память позволяет вычлнять поступающую информацию на основе иерархической организации, в которой необходимым концептуальным признаком является признак включенности (inclusion) [21]. Возникает языковая (естественная, наивная, стихийная) таксономия [22, с. 21], которая способна отразить «ее иерархическую организацию, в том числе классифицирующую деятельность» [19, с. 991]. Это то, что называется «вообще-цветок», «вообще-дерево» и «вообще-животное» [23] или гиперонимом, а в когнитивной семантике указывает на принадлежность к более высокому суперординатному термину. Этот признак имеет отношение к миру действительности и предшествующему опыту человека [24, с. 78].

Если мы попытаемся изобразить обыденные представления человека о явлениях физического мира, например, знание о частицах в области физики, то выстраивается очень интересное расположение наименований, относящихся к одной категории. Слово «частица» (particle) располагается на базовом уровне категории, а конкретные наименования частиц относятся к субординатному уровню. Эти взаимоотношения в целом соответствуют понятиям гиперонима и гипонима в традиционной (классической) точке зрения на категоризацию. Но в таком описании присутствует еще и более широкое понятие — область, где изучаются данные явления — физика или ядерная физика (суперординатный уровень) [25]. Но В.М. Лейчик указывал, что «когнитология антропоцентрична: именно человек вносит (различную) упорядоченность в понимание закономерностей объективного и субъективного мира. Отсюда возможность создания индивидуально-авторских терминосистем» [20, с. 11]. Описывая речи Нобелевских лауреатов в области физики (например, Ф. Райнеса и др.), было показано, что представление человека в рамках определенной картины мира, присутствующей в сознании человека и организующей его внутренний лексикон, а также ее отнесение к определенной категории, отражает *ценностно-ориентированный выбор человека* в соответствии с ее содержательно-прагматическими и функциональными характеристиками [25], т. е. категория приобретает совершенно иное очертание на основе личностного понимания картины мира, формируется уже нетождественное классической (иерархической) категоризация, которая обладает совсем иной внутренней организацией в зависимости от личностного видения и категоризации специальной картины конкретным ученым.

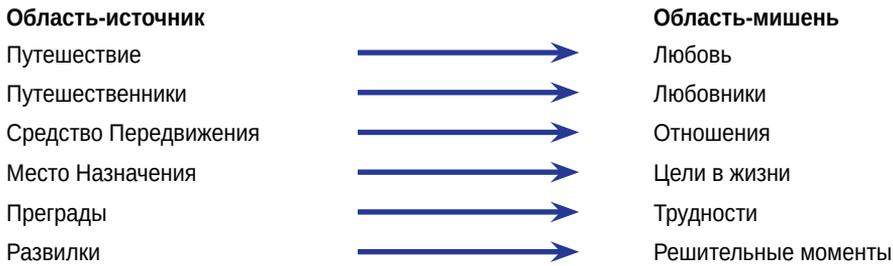
Было доказано [там же], что в дефиниции закладывается не только термин более широкой семантики, но и концептуальная область знака. Определения из толковых и терминологических словарей содержат указание не только на логическую, но и на образную составляющую в схематической структуре концепта в том случае, если она присутствует. При этом, пользуясь терминами «фигура/фон (figure/ground)» или «профиль/основа (profile/base)», реально раскрыть «геометрическую прорисовку пространства» [26, с. 88]. Так, в дефиниции, построенной на образности человеческих представлений, слово *hypotenuse* (гипотенуза) выступает фигурой (профилем), а фоном (основой) является прямоугольный треугольник: *the longest side of any triangle which has angle of 90°* [27, с. 698]. Эта же образная составляющая вне зависимости от того, что в словарном определении имеется отсылка на вышестоящий термин,

представлена в термине *bissectrice* (*bisect*). Здесь концептуальной областью, к которой отсылает наш опыт знания геометрии, относится треугольник, который разделяется на две равные части, ср.: *a divide into two, usually equal parts: The new road will bisect the town* [там же, с. 129]. А определение слова *diameter* (*диаметр*), несмотря на прямое указание на гипероним, также имеет отношение к кругу как концептуальной проецируемой области, например: *the (length of) straight line which goes from one side of a round object to another, through the centre of the object: The diameter measures twice the radius; The pond is six feet in diameter* [там же, с. 379–380]. Схематизированная основа рассмотренных концептов определяется селективностью восприятия в процессе выделения целого образного объекта, существующего в нашей памяти на основе имеющейся информации, и активного взаимодействия с рядом связанных напрямую концептов в конкретной сфере профессионального знания. Следовательно, дефиниция из лексикографического источника позволяет не только вычленить концептуальные признаки термина, но и показать, как формируется концептуальная структура языкового знака-термина, в данном случае терминофиксирующих элементов терминологической системы. Кроме того, она способна подсказать тот ментальный механизм, который выводит изучаемый «кусочек» терминологического знания нашего сознания в более широкую область систематизированной информации.

В том случае, когда научный термин фиксируется в художественном тексте, происходит не только его детерминологизация, формируется трансдискурсивный переход с выходом в новое дискурсивное пространство, и этот переход сопряжен, как правило, с метафорой. Будучи динамическим явлением, дискурс имеет «отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [28, с. 112]. Анализируя отрывок из рассказа О’Генри, в котором фиксируются при описании взаимоотношения между тремя главными героями (молодым человеком и двумя девушками), рождается образ равнобедренного треугольника («база, основа» по Р. Лэнекеру) и понятия «гипотенузы» («профиль»), и этот образ познается через знание терминов из математики. Ср.: *It is a common custom to refer to the usual complication between one man and two ladies, or one lady and two men, or a lady and a man and a nobleman, or — well, any of those problems — as the triangle. But they are never unqualified triangles. They are always isosceles — never equilateral. So, upon the coming of Nevada Warren, she and Gilbert and Barbara Ross lined up into such a figurative triangle; and of that triangle Barbara formed the hypotenuse* (О’Генри “Schools and schools”).

Совмещение «кусочков» человеческого опыта, привлекаемого к изучению на основе двух разных элементов из ментального лексикона или приложения образа одного фрагмента действительности к другому, мы наблюдаем в **теории концептуальной метафоры** [29], на основе которой рождается метод, напрямую связанный с концептуальным анализом. В этом анализе присутствует область-источник концептуализации (*source*) и область-мишень (*target*) концептуальной метафоры.

Мы уже показывали в наших работах, как происходит перенос из области-источника (*source*) в область-мишень (*target*), например, Дж. Лакофф и М. Джонсон описывают выражения, характеризующие любовь [30]:

Каждый элемент области-источника проецируется на область-мишень посредством концептуальной операции, когда от исходного значения образуются производные смыслы, мотивированные исходным значением. Появление новых смыслов, варьирование объема информации представляет собой эволюционное состояние языка, который определяется как изменениями окружающего мира, способностью человека к категоризации и концептуализации, представлениями и впечатлениями человека в конкретной ситуации, так и его номинативной и речемыслительной деятельностью.

Роль метафоры в целом и сопряженных образов или элементов окружающей действительности, пропущенных через человеческое сознание, заключается в развитии системы смыслообразования (формирования концептов). Термин является дважды мотивированной единицей, с одной стороны, лексическим значением единицы естественного языка, а с другой — концептом в системе научных знаний в определенной области деятельности человека. Кроме того, если в обыденном языке метафора может появиться на основе сравнения (так она описывается в традиционном лингвистическом ключе), то категория сравнения не является абсолютной в сфере научной метафоризации [31, с. 170]. Метафорический процесс связан с вербализацией научного знания в виде его концептуализации, неоднозначный и противоречивый в своей основе, содержащий одновременно сравнение и противопоставление. В когнитивном аспекте термин в новой области знания рассматривается как средство постижения нового знания, определяется процессом модификации и уточнения авторских представлений об исследуемых объектах. Одновременно термин компрессирует информацию в тексте и дефиниции, что составляет основу терминологической номинации.

Покажем, как общеупотребительное слово *slave*, обладающее двумя значениями из области социальных отношений для указания на определенный период времени — 1) someone who is legally owned by another person and works for them for no money; 2) to be completely influenced by something so that you cannot make your own decisions [32, с. 1349] становится термином, указывающим на вспомогательное устройство: a device on trolled by another device [33, с. 385] в сфере пожаротушения, компьютерной сфере, сфере телекоммуникации и др. ситуациях.

slave (социальная сфера человеческих взаимоотношений)	Slave (вспомогательное устройство в компьютерной сфере)
Influence (legally owned by) Person ←→ Person Subordination	Control Device ←→ Device Subordination

Концептуализация представляет собой не чисто языковое, а концептуальное явление, ибо она тесно связана с культурно специфическими моделями и сенсорно-моторным и пространственным опытом человека. В работах М. Джонсона представлено понятие **образной схемы**, которая определяется как «повторяющийся динамический образец (pattern) наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [цит. по 34, с. 347]. Описание терминологической номинации возможно на основе схемы КОНТЕЙНЕРА (вместилища). Эта схема помогает отделить цельные объекты от тех, которые обладают объемом и могут вмещать другой предмет. Образная схема вместилища может фиксироваться во фразеологических единицах, сложных словах, словосочетаниях и в целых предложениях: *have eyes in one's head* [35], *geometric wing aircraft* (an aircraft is composed of...), *When natural materials are used by man in a dry environment difficulties arise* (BNC).

Образная схема не пропозициональна, не связана только с одной формой восприятия, является гештальт-структурой и обеспечивает связность человеческого опыта через разные виды познания.

Концептуальная интеграция — полезный способ описания тех концептов, которые претерпевают интеграционные изменения и могут выявляться в нескольких концептосферах одновременно. В результате концептуальной интеграции используемых слов, проецируемых концептуальных областей знания, выводящих на категоризованную информацию, создается новая единица номинации или новая область знания. Теория концептуальной интеграции или теория ментальных пространств развивалась в работах Ж. Фоконье и М. Тернера (Gilles Fauconnier, Mark Turner). В их теории представлены два вводных пространства (input spaces), которые дают основу о главных концептуальных признаках каждого из них: общего когнитивного (родового) пространства (one generic space), которое дает концептуальные основы для объединения вводных ментальных пространств, и одного интегрированного пространства (one blended space), которое может обнаружить новые механизмы интеграции концептуальных областей человеческого знания. Вся процедура детально описывается в статье [36].

Понятие У. Найссера **«когнитивная карта»** представляет собой «умственное изображение среды. Когнитивная карта принимает информацию и направляет ее анализ» [37, с. 78].

Термин «когнитивная карта» применительно для терминоведения указывает на то, что является более важным: взаимодействие между элементами терминологической системы (внутри LSP). Она «дает представление о всей структуре науки. В ней можно показать строение системы науки, разные основания выделения составных элементов системы, их взаимодействие, наиболее важные принципы организации системы и т. п.» [16, с. 139]. В процессе формирования когнитивной карты происходит фиксация составляющих элементов конкретного фрагмента научной картины мира в ментальном пространстве специалиста. Метод построения когнитивной карты науки включает в себя несколько этапов: 1) вычленение базовых (ключевых) концептов, которые картируют предметную сферу отрасли специального знания, 2) выявление основных концептуальных признаков, 3) объединение тождественных концептов в категории-рубрики данной области знания, 4) представление в виде схем (фреймов) отдельных фрагментов и всей структуры научной области в целом [13, с. 13–14].

Когнитивная карта существует в сознании коммуникантов как некоторое базовое знание, которое обеспечивает репрезентацию и восприятие новой информации. Структура фреймов отражает дифференциацию науки, а слоты фреймов репрезентируют базовые концепты исследуемой научной области. Концептуальная система не является застывшей. Она зависит от происходящих изменений в жизни человека и его потребностей. Так, система наименований артефактов разных областей технических знаний представляет одну картину, в которой фиксируется сложная сеть взаимоотношений и связей категорий друг с другом. Эта система подвергается изменениям и дополнениям в определенной области знания. Даже в одном и том же языке для специальных целей она может видоизменяться. Если мы возьмем в качестве примера систему телекоммуникативных технологий [38], то она может иметь различный вид в зависимости от того, описывается ли она с точки зрения создателя телекоммуникационных технологий, его пользователя или того, кто предоставляет услуги в области данных технологий. В данном случае работает идея, которую описывал Т. ван Дейк: «задаваемые перечислением признаков фреймы всегда являются открытыми в том случае, что они всегда могут быть дополнены не включенными в первоначальное перечисление уточняющими признаками. Однако при этом фреймы обладают свойством к сужению и фокусированию внимания на любой его части» [39, с. 10]. Выделенность того или иного элемента в терминологической системе способно показать динамику представленного знания в речемыслительной деятельности человека. Значение термина «когнитивная карта» указывает на сложное и динамическое явление, описывающее не только организацию категорий и систему сетевых знаний человека, но и динамику и преобразования, происходящие в подобной системе. Следовательно, терминосистемы — сознательно конструируемые совокупности терминов, удовлетворяющих языковым, логическим и особенно терминологическим требованиям [40], которые зависят от социоисторических и прагматических условий их описания.

Заключение

Таким образом, в этой статье, которая была посвящена замечательному ученому и человеку Владимиру Моисеевичу Лейчику, было продемонстрировано развитие терминоведения, тому, как менялась картина мира терминоведческой науки в связи с интегративными тенденциями со стороны когнитивных наук, а именно когнитивной лингвистики. В последней части данного исследования можно познакомиться с некоторыми основополагающими методами когнитивно-дискурсивного терминоведения, включающих дефиниционный анализ, явление концептуализации, осуществляемое на основе концептуальной метафоры и образной схемы. В конце представлены более сложные форматы человеческого знания, каковыми являются концептуальная интеграция и когнитивная карта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS, 2006. 256 с.
2. Лейчик, В.М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Сб. научных трудов. Вып. 5. М.; Рязань, 2007. С. 121–132.

3. *Винокур, Г.О.* О некоторых явлениях словообразования русской технологической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5. М., 1939.
4. *Лотте, Д.С.* Очередные задачи технической терминологии // Известия АН СССР. Серия VII. 1931. № 4. С. 883–891.
5. *Реформатский, А.А.* Что такое термин? // Введение в языкознание. М., 1967.
6. *Татаринов, В.А.* Феноменология термина (к 100-летию со дня рождения Д.С. Лотте) // Русский филологический вестник. 1998. Т. 83. № 1–2. С. 5–26.
7. *Лейчик, В.М.* Теория языков для специальных целей и ее современное состояние // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты. Сборник тезисов докладов Международной научно-практической конференции. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 12–13.
8. *Шелов, С.Д.* Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб.: Санкт-Петербургский госуниверситет, 1998. 234 с.
9. *Гвишиани, Н.Б.* Язык научного общения: вопросы методологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.
10. *Новодранова, В.Ф.* Терминологический взрыв в 90-е годы XX в. // Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник. Вып. 1. М.: ВНИИКИ, 2000. С. 4–9.
11. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сборник статей. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.
12. *Новодранова, В.Ф., Манерко, Л.А.* Использование методов когнитивного анализа в терминологических исследованиях // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. М.; Тамбов, 2012. С. 226–228.
13. *Новодранова, В.Ф.* Методы когнитивного анализа в исследовании языков для специальных целей // Терминология и знание: материалы III Международного симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013. С. 11–19.
14. *Никитина, С.Е.* Семантический анализ науки: на материале лингвистики / отв. ред. Н.А. Слюсарева. М.: Наука, 1987.
15. *Новодранова, В.Ф.* Новые подходы к определению основных понятий терминоведения // Новая Россия: новые явления в языке и науки о языке. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. С. 218–223.
16. *Новодранова, В.Ф.* Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Сборник научных трудов. М.; Рязань, 2007. С. 136–140.
17. *Зяблова, О.А.* Принципы исследования языка для специальных целей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
18. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
19. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
20. *Лейчик, В.М.* Классификация терминосистем // Terminologija. 2008. № 15. С. 10–16.
21. *Collins, A., Quillian, M.* Retrieval Time for Semantic Memory // Journal of Verbal Learning and Verbal behavior. 1969. No. 9. P. 240–247.
22. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
23. *Фрумкина, Р.М., Мостовая, А.Д.* Гиперонимия и таксономия // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 8–31.
24. *Taylor, I.* Introduction to Psycholinguistics. N.Y., Chicago, San Fransisco, Atlanta: Holt, Rinehart and Winston, 1976. 434 p.

25. Манерко, Л.А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на примере языка физики) // Вопросы филологии. 2004. № 3 (18). С. 6–14.
26. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1999. № 4 (2). С. 76–104.
27. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 1995. 1775 p.
28. Манерко, Л.А. Структуры знания, представленные в художественном и академическом курсах // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
29. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago, L.: The University Press, 1980. 242 p.
30. Манерко, Л.А. «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сборник научных трудов. М.; Тамбов, 2014. С. 92–101.
31. Алексеева, Л.М. Проблемы термина и терминообразования: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный университет, 1998.
32. Longman Dictionary of Contemporary English. Ln.: Longman, 2006.
33. New Webster's Dictionary of the English Language: College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989. 1823 p.
34. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М.: МГУ, 1997. С. 341–369.
35. Туарменская, А.В. Когнитивные аспекты восприятия и категоризации пространственного опыта (на материале английских фразеологизмов со словами, обозначающими части тела человека): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2007. 16 с.
36. Манерко, Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. С. 17–29.
37. Найссер, У. Познание и реальность. М., 1981. 260 с.
38. Орёл, Т.И. Структура и номинативно-образовательные характеристики английской терминосистемы телекоммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 286 с.
39. Дейк, Т.Д. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
40. Лейчик, В.М. Термин и его определение // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 135–145.

REFERENCES

1. Lejtchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, URSS, 2006, 256 p. (in Russ.)
2. Lejtchik, V.M. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков [Cognitive Terminology — the Fifth Stage of the Development of Terminology as a Leading Scientific Discipline of the Turn of the XX–XXI Centuries]. In: *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya* [Cognitive Linguistics: New Problems of Cognition. Collection of Scientific Papers, iss. 5]. Moscow, Ryazan, 2007, pp. 121–132. (in Russ.)

3. Vinokur, G.O. O nekotoryh yavleniyah slovoobrazovaniya russkoj tekhnologicheskoy terminologii [On Some Phenomena of Word Formation in Russian Technological Terminology]. In: *Trudy Moskovskogo instituta filosofii, literatury i istorii*. T. 5 [Proceedings of the Moscow Institute of Philosophy, Literature and History, vol. 5]. Moscow, 1939. (in Russ.)
4. Lotte, D.S. Ocherednye zadachi tekhnicheskoy terminologii [The Next Tasks of Technical Terminology], *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya VII = Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series VII*, 1931, No. 4, pp. 883–891. (in Russ.)
5. Reformatskij, A.A. Chto takoe termin? [What is the Term?]. In: *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, 1967. (in Russ.)
6. Tatarinov, V.A. Fenomenologiya termina (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya D.S. Lotte) [Phenomenology of the Term (To the 100th Anniversary of the Birth of D.S. Lotte)], *Russkij filologicheskij vestnik = Russian Philological Bulletin*, 1998, vol. 83, No. 1–2, pp. 5–26. (in Russ.)
7. Lejtchik, V.M. Teoriya yazykov dlya specialnyh celej i ee sovremennoe sostoyanie [Theory of Languages for Special Purposes and Its Current State]. In: *Professionalnaya kommunikaciya: verbalnye i kognitivnye aspekty* [Professional Communication: Verbal and Cognitive Aspects. Collection of Abstracts of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Institut gumanitarnogo obrazovaniya i informacionnyh tekhnologij, 2007, pp. 12–13. (in Russ.)
8. Shelov, S.D. *Opreделение терминов и понятийная структура терминологии* [Definition of Terms and Conceptual Structure of Terminology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosuniversitet, 1998, 234 p. (in Russ.)
9. Gvishiani, N.B. *Yazyk nauchnogo obshcheniya: voprosy metodologii* [The Language of Scientific Communication: Questions of Methodology]. Moscow, LKI, 2008, 280 p. (in Russ.)
10. Novodranova, V.F. Terminologicheskij vzryv v 90-e gody XX v. [Terminological Explosion in the 90s of the Twentieth Century]. In: *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya* [Scientific and Technical Terminology: Scientific and Technical Abstract Collection, iss. 1]. Moscow, Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut klassifikacii terminologii i informacii po standartizacii i kachestvu, 2000, pp. 4–9. (in Russ.)
11. Kubryakova, E.S. Evolyuciya lingvisticheskix idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the Twentieth Century (Experience of Paradigmatic Analysis)]. In: *Yazyk i nauka konca 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century: Collection of Articles]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1995, pp. 144–238. (in Russ.)
12. Novodranova, V.F., Manerko, L.A. Ispolzovanie metodov kognitivnogo analiza v terminologicheskix issledovaniyah [The Use of Cognitive Analysis Methods in Terminological Research]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XI. Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike* [Cognitive Language Research, iss. XI. International Congress on Cognitive Linguistics: Collection of Materials]. Moscow, Tambov, 2012, pp. 226–228. (in Russ.)
13. Novodranova, V.F. Metody kognitivnogo analiza v issledovanii yazykov dlya specialnyh celej [Methods of Cognitive Analysis in the Study of Languages for Special Purposes]. In: *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge: Materials of the III International Symposium], ed. by S.D. Shelov. Moscow, 2013, pp. 11–19. (in Russ.)
14. Nikitina, S.E. *Semanticheskij analiz nauki: na materiale lingvistiki* [Semantic Analysis of Science: On the Material of Linguistics], ed. by N.A. Slyusareva. Moscow, Nauka, 1987. (in Russ.)
15. Novodranova, V.F. Novye podhody k opredeleniyu osnovnyh ponyatij terminovedeniya [New Approaches to the Definition of the Basic Concepts of Terminology]. In: *Novaya Rossiya: novye*

- yavleniya v yazyke i nauki o yazyke [New Russia: New Phenomena in Language and the Sciences of Language. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Ekaterinburg, Uralskij universitet, 2005, pp. 218–223. (in Russ.)
16. Novodranova, V.F. Tipy znaniya i ih reprezentaciya v yazyke dlya specialnyh celej [Types of Knowledge and Their Representation in Language for Special Purposes]. In: *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya* [Cognitive Linguistics: New Problems of Cognition. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Ryazan, 2007, pp. 136–140. (in Russ.)
 17. Zyablova O.A. *Principy issledovaniya yazyka dlya specialnyh celej* [Principles of Language Research for Special Purposes]: Extended Abstract of ScD Dissertation (Philology). Moscow, 2005. (in Russ.)
 18. *Kratkij slovar kognitivnyh terminov* [Concise Dictionary of cognitive terms], ed. by E.S. Kubryakova. Moscow, 1996, 245 p. (in Russ.)
 19. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], ed. by V.N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1990, 685 p. (in Russ.)
 20. Lejtchik, V.M. Klassifikaciya terminosistem [Classification of Terminosystems], *Terminologija* = Terminology, 2008, No. 15, pp. 10–16. (in Russ.)
 21. Collins, A., Quillian, M. Retrieval Time for Semantic Memory, *Journal of Verbal Learning and Verbal behavior*, 1969, No. 9, pp. 240–247.
 22. Arutyunova, N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoj kultury, 1998, 896 p. (in Russ.)
 23. Frumkina, R.M., Mostovaya, A.D. Giperonimiya i taksonomiya [Hyperonymy and Taxonomy]. In: *Rech: vospriyatie i semantika* [Speech: Perception and Semantics]. Moscow, 1988, pp. 8–31. (in Russ.)
 24. Taylor, I. *Introduction to Psycholinguistics*. N.Y., Chicago, San Fransisco, Atlanta, Holt, Rinehart and Winston, 1976, 434 p.
 25. Manerko, L.A. Frejm rechi Nobelevskogo laureata v scenarii sobytiya (na primere yazyka fiziki) [The Frame of Speech of the Nobel Laureate in the Scenario of an Event (On the Example of the Language of Physics)], *Voprosy filologii* = Questions of Philology, 2004, No. 3 (18), pp. 6–14. (in Russ.)
 26. Talmi, L. Otnoshenie grammatiki k poznaniyu [The Relation of Grammar to Cognition], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Filologiya* = Bulletin of the Moscow University. Series: Philology, 1999, No. 4 (2), pp. 76–104. (in Russ.)
 27. *Cambridge International Dictionary of English*. Cambridge University Press, 1995, 1775 p.
 28. Manerko, L.A. Struktury znaniya, predstavlennye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah [Structures of Knowledge Presented in Artistic and Academic Discourses], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* = Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 2013, No. 1, pp. 100–118. (in Russ.)
 29. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago, L., The University Press, 1980, 242 p.
 30. Manerko, L.A. “Voploshchennost” i skhematizaciya chelovecheskogo opyta kak osnovanie metodologicheskogo instrumentariya kognitivnoj lingvistiki [“Embodiment” and Schematization of Human Experience as the Basis of Methodological Tools of Cognitive Linguistics]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XVII. Aktualnye problemy vzaimodejstviya myslitelnyh i yazykovykh struktur* [Cognitive Language Studies, iss. XVII. Actual Problems of Interaction of Mental and Linguistic Structures: A Collection of Scientific Papers]. Moscow, Tambov, 2014, pp. 92–101. (in Russ.)

31. Alekseeva, L.M. *Problemy termina i terminoobrazovaniya* [Problems of the Term and Term Formation: A Textbook]. Perm, Permskij gosudarstvennyj universitet, 1998. (in Russ.)
32. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Ln., Longman, 2006.
33. *New Webster's Dictionary of the English Language: College Edition*. Delhi, Surjeet Publications, 1989, 1823 p.
34. Cienki, A. Semantika v kognitivnoj lingvistike [Semantics in Cognitive Linguistics]. In: *Fundamentalnye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki* [Fundamental Directions of Modern American Linguistics], ed. by A.A. Kibrik, I.M. Kobozeva and I.A. Sekerina. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1997, pp. 341–369. (in Russ.)
35. Tuarmenskaya, A.V. *Kognitivnye aspekty vospriyatiya i kategorizacii prostranstvennogo opyta (na materiale anglijskih frazeologizmov so slovami, oboznachayushchimi chasti tela cheloveka)* [Cognitive Aspects of Perception and Categorization of Spatial Experience (Based on the Material of English Phraseological Units with Words, Denoting Parts of the Human Body)]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2007, 16 p. (in Russ.)
36. Manerko, L.A. *Osnovy konceptualnogo integrirovaniya mentalnyh prostranstv* [Fundamentals of Conceptual Integration of Mental Spaces]. In: *Tekst i diskurs: tradicionnyj i kognitivno-funkcionalnyj aspekty issledovaniya* [Text and Discourse: Traditional and Cognitive-Functional Aspects of Research]. Ryazan, Ryazanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. S.A. Esenina, 2002, pp. 17–29. (in Russ.)
37. Neisser, U. *Poznanie i realnost* [Cognition and Reality]. Moscow, 1981, 260 p. (in Russ.)
38. Oryol, T.I. *Struktura i nominativno-obrazovatelnye harakteristiki anglijskoj terminosistemy telekommunikacii* [Structure and Nominative-Educational Characteristics of the English Telecommunication Terminological System]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2005, 286 p. (in Russ.)
39. Dijk, T.D. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication: A Collection of Works], comp. V.V. Petrova. Moscow, Progress, 1989, 312 p. (in Russ.)
40. Lejtchik, V.M. Termin i ego opredelenie [Term and Its Definition]. In: *Terminovedenie i terminografiya v indoevropskikh yazykah* [Terminology and Terminography in Indo-European Languages]. Vladivostok, Dalnevostochnoe otdelenie Akademii nauk SSSR, 1987, pp. 135–145. (in Russ.)

Манерко Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра теории и практики английского языка, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, wordfnew@mail.ru

Larisa A. Manerko, ScD in Philology, Professor, Chairperson, Theory and Practice of the English Language Department, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, wordfnew@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2024. Принята к публикации 12.05.2024
The paper was submitted 30.04.2024. Accepted for publication 12.05.2024